

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 8

«ВНУТРЕННЕЕ ДАВЛЕНИЕ»

Александра Венглинская

Сезон 8 · материалы № 76–86 из 233 · цикл I

СОДЕРЖАНИЕ

1. Двадцать студентов в обе стороны. С этого началось всё
2. Его отправили в Калифорнию скопировать Кремниевую долину. Ему это разрешили
3. 26 мая 1972 года две страны подписали, что не будут защищаться
4. Нью-Йорку отказали в помощи осенью 1975 года
5. Разведка дала оценку. Её признали недостаточно тревожной и заказали другую
6. Три элемента. Второй назывался «внутреннее давление»
7. Двадцать лет разведка содержала журналы. Признался в этом сам начальник отдела
8. Он приехал в Колумбийский университет. Вернулся через двадцать пять лет
9. Решения принимали в Москве. Каждое совпало с чужим интересом
10. Ни на дюйм на восток. Сказано трижды и не записано ни разу
11. В декабре 1972 года люди в последний раз ушли дальше околоземной орбиты

Двадцать студентов в обе стороны. С этого началось всё

№ в серии: 76 из 233 · № в сезоне: 1 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен: 08.12.2026 · ЖЖ: 21.01.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление

27 января 1958 года в Вашингтоне подписали межправительственное соглашение об обменах. В нём прописаны пары университетов — Московский с Колумбийским, Ленинградский с Гарвардским, — и число: по двадцать человек с каждой стороны на учебный год. Окно между двумя странами существовало на самом деле: не как настроение, а как процедура с квотами и сроками. Кто и когда его закрыл — разберём дальше.

Скажу сразу, о чём этот сезон и с какой позиции я его пишу. Дальше будут десять разборов, и в каждом — документы; но позицию лучше объявить в начале, чем прятать в выводах.

Считается, что холодная война была естественным состоянием мира, а разрядка — короткой аномалией внутри неё. Я думаю ровно наоборот. В период между концом пятидесятых и серединой семидесятых была построена работающая инфраструктура сосуществования — договорная, научная, человеческая, — и она не рухнула сама. Её закрыли. У этого есть дата, состав участников и процедура.

И ещё одно, чтобы не было недоразумений. Я не считаю, что Советский Союз пал жертвой чужого замысла и не имел собственной воли. Решения, разобравшие страну, приняты в Москве и подписаны конкретными людьми. Но чтобы понять, почему они были такими, надо сначала увидеть, от чего именно эти люди отказались.

Начнём с бумаги.

ДОКУМЕНТ, С КОТОРОГО ВСЁ ПОШЛО

27 января 1958 года в Вашингтоне подписано соглашение между СССР и США об обменах в культурной, технической и образовательной областях. По фамилиям переговорщиков — Уильяма Лейси и посла Георгия Зарубина — его называют соглашением Лейси — Зарубина.

Меня в нём поражает не дипломатический язык, а его отсутствие.

Обычно межгосударственные документы такого рода состоят из намерений: стороны стремятся, содействуют, придают значение. Здесь другое. Здесь — числа.

Прописаны пары университетов: Московский государственный с Колумбийским, Ленинградский с Гарвардским. Прописано количество: по двадцать человек с каждой стороны на учебный год.

Прописаны операторы: с советской стороны Академия наук, Министерство сельского хозяйства, Министерство здравоохранения; с американской — Национальная академия наук.

Прописаны сроки командировок учёных — от двух недель до года. Прописаны города, куда можно ехать. Прописано даже, сколько медиков в делегации.

Отдельно расписан гастрольный раздел: Филадельфийский оркестр едет в Советский Союз, балет Большого театра — в Соединённые Штаты, поимённо названы пианист Гилельс и скрипач Коган.

Договорились не о дружбе. Договорились о квотах.

За первые полтора года действия соглашения по научной линии пошли больше сотни совместных проектов: теоретическая и молекулярная физика, химия, биология.

А в первом наборе, отправленном в Колумбийский университет, было четверо. Про одного из них — отдельный разбор в середине сезона; скажу пока только, что через двадцать пять лет он войдёт в Политбюро.

И ЭТО ДО КАРИБСКОГО КРИЗИСА

Держите в голове дату: январь 1958-го.

Это за четыре с половиной года до тринадцати дней октября. То есть канал открыли не после того, как испугались, а до.

Более того. В том же 1958 году, 12 июня, на сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения советская делегация внесла предложение ликвидировать натуральную оспу на всей планете. Приняли единогласно. Но это отдельная история, и я расскажу её в самом конце сезона, потому что раньше она не работает.

Пока зафиксируем только год. 1958-й. Два предложения, оба советские по инициативе или по участию, оба про совместное действие.

ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ И ВЫВОД ИЗ НИХ

Дальше был октябрь 1962 года, и о нём написано столько, что добавлять нечего. Добавлю одно наблюдение, техническое.

Во время кризиса руководители двух стран, каждый из которых мог отдать приказ, ведущий к концу цивилизации, переписывались через посольства, шифровальные отделы и телеграф. Сообщение шло часами. Одно послание пришло по частям и не в том порядке.

То есть у двух держав, державших друг друга на прицеле, не было способа быстро переспросить.

Вывод из кризиса сделали именно этот — и он оказался важнее всех политических деклараций.

20 июня 1963 года в Женеве подписали меморандум о создании линии прямой связи.

Здесь стоит развеять устойчивое заблуждение, потому что оно мешает понять суть. Никакого красного телефона не было. Была телетайпная линия: сообщения печатались, шифровались и передавались текстом. Сделано так намеренно — чтобы исключить интонацию, оговорку, недопонимание на слух и импульсивный ответ.

Государства, не доверявшие друг другу ни в чём, договорились о канале, устроенном так, чтобы недоверие ему не мешало.

Дальше пошло быстро.

5 августа 1963 года в Москве подписан договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космосе и под водой.

1 июля 1968 года открыт к подписанию договор о нераспространении ядерного оружия — документ, по которому обладатели оружия брали на себя обязательство не передавать его, а необладатели — не создавать.

Ни один из этих договоров не был жестом доброй воли. Все они были заключены из холодного расчёта: у каждой стороны появлялось нечто, чего она сама не могла обеспечить в одиночку.

Именно поэтому они и работали.

ЧТО ЗДЕСЬ ВАЖНО ПОНЯТЬ

Меня раздражает, когда этот период описывают словом «потепление». Слово подразумевает погоду — то есть нечто, что меняется само.

Ничего не менялось само. Каждый пункт был выторгован, записан, ратифицирован и обеспечен процедурой. Двадцать студентов туда, двадцать сюда. Телетайп, а не телефон. Три среды, но не четвёртая — подземные испытания остались, потому что о контроле над ними договориться не сумели.

Это была не оттепель. Это была конструкция — и, как всякую конструкцию, её можно было разобрать.

Что и было сделано.

О ЧЁМ БУДЕТ СЕЗОН

Десять материалов. Веду я их к одному вопросу, и сформулирую его сейчас, чтобы дальше не отвлекаться.

Инфраструктура, начатая в 1958-м, росла почти двадцать лет и достигла масштаба, который сегодня трудно вообразить: договоры об ограничении вооружений, совместная научная комиссия, стыковка кораблей на орбите, сотни человек в командировках друг у друга ежегодно. Через второй материал по этому каналу поедет мой отец — и поедет с прямым государственным заданием.

А потом всё это свернули. Не после Афганистана. Не при Рейгане. Раньше — и решение принято по санкционированной процедуре, с составом участников и датой.

Дальше по сезону: почему Советский Союз к семидесятым перестал быть европейской проблемой и стал глобальной.

Что происходило в те же годы с Америкой — от отвязки доллара от золота до банкротства крупнейшего города. Кто именно и как переписал оценку советской угрозы.

Директива, сменившая объект войны с территории на устройство. Ноябрь 1983 года, о котором мы узнали через тридцать два года. Что документировано в культурной войне, а что приписано.

Канал контакта и советская элита. Список решений 1988–1991 годов. И формула, произнесённая трижды в феврале 1990 года и не записанная ни разу.

Красная линия одна, и я её называю сразу: окно закрыли раньше, чем принято думать, а разбирали страну позже и совсем не те, кто окно закрывал.

И вопрос напоследок.

Канал 1958 года открыли обе стороны. Обе считали, что выигрывают, — и, забегая вперёд, обе записали, зачем он им нужен, и цели у них были разные.

Так вот: по какому признаку через двадцать лет решили, что теперь он выгоден только одной?

Первый материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — 1970 год, Калифорнийский технологический институт и советский физик, приехавший туда с заданием перенять опыт и воспроизвести его в Зеленограде. Это мой отец, и я расскажу, как такое было возможно.

Его отправили в Калифорнию скопировать Кремниевую долину. Ему это разрешили

№ в серии: 77 из 233 · № в сезоне: 2 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен: 10.12.2026 · ЖЖ: 23.01.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление

В 1970 году состоявшийся физик из Московского института электронной техники уехал работать в Калифорнийский технологический институт. Задание было прямым: перенять опыт института и Кремниевой долины и воспроизвести его в Зеленограде. Это мой отец. Смотрю, как такое было возможно, зачем это разрешили обе стороны — и что случилось с этим каналом двенадцать лет спустя.

Обычно, когда автор вставляет в разбор семейную историю, это означает, что документов не хватило и в дело пошло чувство. Здесь наоборот. Эта командировка объясняет весь сезон лучше любого договора, и объясняет она вещи неприятные.

Поэтому сразу оговорю статус источника. То, что я знаю о задании отца, я знаю от него. Это свидетельство, а не документ, и я его так и помечаю. Всё остальное в этом тексте — постановления, соглашения и опубликованная статистика.

ПОЧЕМУ ЗЕЛЕНОГРАД

Начну не с человека, а с задачи, которая перед ним стояла.

В 1962 году вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров об организации Центра микроэлектроники. Замысел был не в том, чтобы построить завод. Замысел был в том, чтобы создать целую подотрасль: систему институтов, конструкторских бюро, опытных и серийных производств, работающих друг на друга в одном месте.

Место выбрали в сорока километрах от Москвы по Ленинградскому шоссе — там, где строился город, поначалу задуманный совсем под другое. Так появился Зеленоград.

За несколько лет там встали институты один за другим: точной технологии, материаловедения, молекулярной электроники, физических проблем. В 1965 году основали Московский институт электронной техники — собственный вуз, готовящий кадры на месте.

И была ещё одна составляющая программы, о которой говорят гораздо реже.

С 1959 года министерство систематически направляло специалистов в США — изучать планарную кремниевую технологию.

Это не эпизод и не случайность. Это способ действия, работавший больше десяти лет. Страна, строившая собственную микроэлектронику с нуля, отдавала себе отчёт, что отстаёт, и решала задачу самым коротким путём: посылала людей смотреть, как это сделано, туда, где это сделано.

КАК ЭТО ВЫГЛЯДЕЛО СО СТОРОНЫ ПРОЦЕДУРЫ

Ездили не самотёком.

Соглашение 1958 года, с которого начался сезон, было первым в цепочке; дальше межправительственные соглашения об обменах переподписывали каждые два года. В 1968 году американскую сторону программ обменов взяла на себя специально созданная организация. По академической линии работала прямая связь между Академией наук СССР и Национальной академией наук США.

В официальной истории этого межакадемического сотрудничества сказано, что с конца шестидесятых обычной практикой стали долгосрочные визиты — продолжительностью до года.

1970–1971 годы. Ровно такой визит. Ровно такая продолжительность.

ЗАЧЕМ ЭТО РАЗРЕШИЛИ АМЕРИКАНЦЫ

А вот теперь — то место, ради которого материал написан, и оно неудобное.

Естественный вопрос: зачем принимающая сторона на это шла? Советский инженер приезжает в ведущий американский центр, чтобы

посмотреть, как устроена работа, и увезти это домой. Где здесь американский интерес?

Ответ есть, и он изложен письменно самой американской стороной.

В официальной истории межакадемической программы сказано прямо: американское правительство рассчитывало, что знакомство советских учёных и инженеров с американскими достижениями будет способствовать медленной эволюции Советского Союза в сторону американского общества.

Прочитайте это ещё раз, потому что здесь ключ ко всему сезону.

Канал был один. Целей было две. И обе стороны свою цель записали.

Москва посылала за технологией. Вашингтон рассчитывал на медленное изменение. Никто никого не обманывал — просто каждый считал, что выигрывает он, и, вероятно, каждый был по-своему прав.

Из этого следуют две вещи, и я настаиваю на обеих сразу.

Первая: зарубежная командировка — не улика. Это была профессия, государственное задание и способ решения задачи, поставленной постановлением. Всякий, кто предлагает считать факт поездки признаком неблагонадёжности, должен понимать, что под этот признак попадают тысячи инженеров, построивших советскую электронику.

Вторая: считать, что расчёт принимающей стороны был выдумкой позднейших публицистов, тоже нельзя. Он записан.

Обе вещи верны одновременно. Тем сезон и сложен.

ЧТО ОН ТАМ ВИДЕЛ

Про содержание работы отца я подробностей не привожу — это не мой предмет, и додумывать я не стану.

Скажу про контекст, потому что контекст 1970 года того стоит.

Это момент, когда полупроводниковая индустрия на западном побережье перестаёт быть отраслью и становится средой. Университетская лаборатория, малая фирма, венчурные деньги, переток людей из компании в компанию — всё, что потом назовут Кремниевой

долиной, в 1970-м уже существует и работает, но ещё не имеет имени в русском языке.

И вот что здесь принципиально.

Скопировать можно технологию — процесс, установку, схему. Среду скопировать нельзя. Среда состояла из вещей, которые не поставишь в план: возможности уйти из института и основать фирму, права на неудачу, свободного перемещения людей между организациями.

Задание, поставленное перед отцом, было выполнимо ровно наполовину — и, боюсь, обе стороны это понимали.

ЧТО СТАЛО С КАНАЛОМ

Теперь цифры, которыми этот сезон измеряет закрытие окна.

По межакадемической линии обмен в середине семидесятых достиг примерно ста шестидесяти семи человеко-месяцев в год в каждую сторону. Это пик за всю историю.

К началу восьмидесятых осталось около пятидесяти.

Втрое меньше. Не запрет, не разрыв, не громкое заявление — сокращение пропускной способности.

А 13 ноября 1982 года появился документ, о котором будет отдельный разбор. В нём согласованный с союзниками режим ограничений назван стратегической триадой: технологии, торговля, кредиты.

Технологии — первым пунктом. Расширение списков КОКОМ, унификация лицензионных процедур, усиление контроля за исполнением.

Двенадцать лет между командировкой и списком.

То, за чем ехали, внесли в перечень запрещённого к вывозу.

ЧЕГО Я НЕ УТВЕРЖДАЮ

Что отца использовали. Он выполнял задание своего государства, и выполнял его добросовестно.

Что канал был чьей-то операцией. Он был двусторонним договором, подписанным обеими сторонами по собственной воле.

Что американский расчёт сработал именно так, как рассчитывали. Это утверждение проверяется только результатом, а результат имеет слишком много причин.

Утверждаю одно: окно было настоящим, оно было большим, и оно было устроено так, что каждая сторона везла через него своё.

Я выросла, зная, что так можно. Что советский физик может год работать в Калифорнии и вернуться домой строить свой институт. Что это нормально, разрешено и полезно обеим сторонам.

Мне понадобилось много лет, чтобы понять, насколько короткой была эта норма.

Остаётся одно.

Открытый канал работал больше двадцати лет, и обе стороны считали его выгодным. Потом его сузили втрое, а его содержимое внесли в списки.

Что изменилось раньше — техника или намерение?

Второй материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — 26 мая 1972 года, договор, по которому две державы обязались не защищать собственное население, и причина, по которой они на это пошли.

26 мая 1972 года две страны подписали, что не будут защищаться

№ в серии: 78 из 233 · № в сезоне: 3 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен: 12.12.2026 · ЖЖ: 25.01.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление

26 мая 1972 года в Москве подписали два документа. Первый ограничивал наступательные вооружения. Второй — противоракетную оборону, то есть защиту. Логика второго кажется вывернутой наизнанку: державы обязались не прикрывать себя. Ниже — почему это было единственно разумным решением, что оно означало на деле — и почему ровно в этот момент восприятие Советского Союза в Вашингтоне начало меняться.

ДОГОВОР, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ ЗАЩИТУ

Сначала про логику, потому что без неё документ выглядит абсурдом.

Пока у сторон нет противоракетной обороны, положение устойчиво самым мрачным из возможных способов: тот, кто ударит первым, получит ответный удар и погибнет вместе с противником. Нападать бессмысленно. Равновесие держится на симметрии беззащитности.

Теперь допустим, одна сторона строит систему, прикрывающую её территорию. Что происходит?

Происходит следующее: у неё появляется соблазн ударить первой. Не потому, что она этого хочет, а потому, что теперь это арифметически возможно — первый удар выбивает большую часть чужих ракет, а остаток перехватывает оборона.

И противная сторона это понимает. Ей остаётся одно из двух: либо строить свою систему в том же темпе, либо наращивать наступательные силы так, чтобы никакая оборона не справилась.

То есть щит порождает не безопасность, а гонку. Защита оказывается провокацией.

Именно это и записано в договоре 1972 года. Стороны ограничили себя двумя районами размещения противоракетной обороны каждая — через два года сократили до одного, — и тем самым зафиксировали: население не прикрывается, потому что прикрытие делает войну мыслимой.

Я не знаю других примеров, когда бы два государства письменно обязались не защищать собственных граждан ради того, чтобы никто не начал.

Второй документ того же дня — временное соглашение по наступательным вооружениям — замораживал число пусковых установок на достигнутом уровне на пять лет.

А тремя днями позже, 29 мая, подписали документ, о котором помнят гораздо реже: «Основы взаимоотношений» — двенадцать принципов, среди которых мирное разрешение споров, признание суверенитета и невмешательство во внутренние дела.

Это и есть высшая точка. Дальше в эту сторону не заходили никогда.

ЧТО ЗНАЧИЛО СЛОВО «ПАРИТЕТ»

Паритет — не про равное количество железа. Он никогда не был равным: структура сил у сторон различалась, у одних больше подводных лодок, у других больше тяжёлых ракет.

Паритет означал другое. Он означал, что ни одна сторона не может рассчитывать на победу.

Не «победит с большими потерями». Не «победит ценой миллионов». Именно не может — потому что при любом сценарии первого удара уцелевшего чужого арсенала хватает, чтобы уничтожить нападавшего.

Договор 1972 года — юридическое признание этого факта обеими сторонами. И для темы сезона это ключевое звено.

С мая 1972 года военная победа над Советским Союзом была исключена — не риторически, а физически, и это было записано в договоре, который стороны сами и подписали.

Отсюда единственный вопрос, который остаётся у стороны, не согласной жить с ничьей: если нельзя выиграть силой — чем можно?

Ответ найдут через четыре года, и об этом будет отдельный разбор.

КАК В ЭТО ВРЕМЯ МЕНЯЛАСЬ КАРТА

Теперь вторая половина материала, и её надо посмотреть не нашими глазами, а глазами американского стратегического аппарата тех лет. Не задним числом, не из 1991 года. Из 1975-го.

До этого противник был понятен и локализован: главные силы в Европе, линия соприкосновения проходит по Германии, спор идёт о центральном фронте.

За несколько лет картина меняется.

Флот выходит в океан. Военно-морские манёвры 1970 и 1975 годов проводятся одновременно в нескольких океанах — этого раньше не было в принципе. Появляются пункты базирования вне традиционной зоны.

В апреле 1975 года союзник Соединённых Штатов во Вьетнаме перестаёт существовать, и войну, шедшую десять лет, американцы проигрывают.

В том же 1975-м в Анголе после ухода португальцев к власти приходит движение, опирающееся на советскую военную помощь и кубинский контингент.

В 1977–1978 годах то же самое происходит на Африканском Роге: Эфиопия переходит в советскую орбиту, и переход обеспечивается военно-технически.

Плюс Куба, Южный Йемен, Ирак, Сирия, Индия, десятки программ военно-технического сотрудничества с развивающимися странами.

Соберите это в одну картину, и вы получите то, что видели в Вашингтоне: противник, которого нельзя победить войной, одновременно перестал быть европейским и стал глобальным.

ОГОВОРКА, БЕЗ КОТОРОЙ ВСЁ ЭТО НЕВЕРНО

Здесь легче лёгкого свалиться в приятную неправду, и я этого делать не буду.

Ничего из перечисленного не означает, что Советский Союз побеждал.

Экономически он не превосходил Соединённые Штаты ни в один год своей истории и не приближался к этому. Технологическое отставание в ключевых отраслях было реальным — я писала об этом в предыдущем материале, где речь шла о том, зачем вообще ездили учиться. Сельское хозяйство требовало импорта зерна. Валютная выручка зависела от сырья.

Более того. Значительная часть глобального присутствия была не приобретением, а нагрузкой: союзников содержали, поставки шли в кредит, кредиты не возвращались.

Всё это правда одновременно с предыдущим разделом. Держава может расширять влияние и надрываться на этом расширении — и то и другое сразу.

Но американский истеблишмент оценивал не советскую экономику. Он оценивал военный баланс, географию присутствия и направление изменений. И по всем трём параметрам направление ему не нравилось.

Восприятие угрозы — самостоятельная величина. Оно не обязано совпадать с реальным положением дел, и решения принимаются по нему, а не по истине.

ТРИ ВЕЩИ, СОШЕДШИЕСЯ К СЕРЕДИНЕ СЕМИДЕСЯТЫХ

Соберём.

Первое: победа силой юридически и физически исключена — и обе стороны это подписали.

Второе: противник вышел за пределы прежней географии.

Третье — и об этом будет следующий материал — в самих Соединённых Штатах в это время рушится послевоенная экономическая конструкция.

Три обстоятельства, наложившиеся друг на друга в течение нескольких лет.

Из такого сочетания стратегия рождается почти автоматически. Не по чьему-то злему умыслу, а потому, что аппарат, обнаруживший себя в подобном положении, начинает искать выход — и находит его там, где не действует запрет на войну.

Отсюда вопрос.

Если военная победа стала невозможной физически и была признана невозможной юридически — что остаётся стороне, которая не согласна с ничьей?

Третий материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — 15 августа 1971 года, осень 1975-го, крупнейший город страны на грани банкротства и слово, которого до этого не было ни в одном учебнике.

Нью-Йорку отказали в помощи осенью 1975 года

№ в серии: 79 из 233 · № в сезоне: 4 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен: 14.12.2026 · ЖЖ: 27.01.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление, Рука Москвы

29 октября 1975 года президент Форд выступил в Национальном пресс-клубе и отказал Нью-Йорку в федеральных гарантиях по долгам.

На следующий день городская газета вышла с заголовком, ставшим самым известным в её истории: «Форд — городу: сдохни». Слов этих президент не произносил.

Дальше — почему крупнейший город богатейшей страны мира оказался неплатёжеспособен — и что этот эпизод говорит о состоянии Америки в те годы, когда решалась судьба разрядки.

Прошлый разбор закончился тем, что к середине семидесятых военная победа над Советским Союзом стала невозможной, а сам он вышел за пределы прежней географии. Это половина картины. Вторая половина — что в это же время происходило внутри Соединённых Штатов.

Без неё ничего не сходится. Государства принимают жёсткие внешние решения не от избытка сил, а чаще от недостатка.

ПЯТНАДЦАТОЕ АВГУСТА 1971 ГОДА

Начинать надо с этой даты, потому что она незаметнее прочих и весит больше всех.

Послевоенный мир держался на конструкции, собранной в 1944 году: доллар обменивается на золото по фиксированному курсу, остальные валюты привязаны к доллару. Вся мировая торговля стояла на обещании, что бумага в любой момент превращается в металл.

К концу шестидесятых обещание перестало быть обеспеченным: долларов в мире было выпущено многократно больше, чем золота в хранилищах. Держатели начали предъявлять бумагу к обмену.

15 августа 1971 года президент Никсон объявил, что обмен прекращается.

Формально — временная мера. Фактически — конец системы. С этого дня доллар не обеспечен ничем, кроме доверия к государству, которое его печатает.

Это не бухгалтерская подробность. Это момент, когда крупнейшая экономика мира публично признала, что не может выполнить принятое на себя обязательство.

ВСЁ СРАЗУ

Дальше события идут плотно, и в этом их особенность: не одна беда, а несколько разной природы одновременно.

Осенью 1973 года — нефтяное эмбарго. Цена сырья, на котором построена вся структура американского потребления, за несколько месяцев меняется кратно. Очереди на заправках в стране, где автомобиль есть образ жизни.

К 1974 году инфляция становится двузначной. К весне 1975-го безработица приближается к девяти процентам.

Одновременно и то и другое. Раньше так не бывало: экономическая теория исходила из того, что высокая инфляция и высокая безработица не сосуществуют. Пришлось придумывать слово. Так появилась стагфляция — термин, обозначающий явление, которого по учебникам быть не могло.

Август 1974-го — президент уходит в отставку под угрозой импичмента. Впервые в истории страны.

Апрель 1975-го — падение Сайгона. Десять лет войны, полсотни тысяч погибших американцев и союзник, переставший существовать.

И к этому — промышленная конкуренция, к которой оказались не готовы. Японские автомобили и электроника, немецкое машиностроение. Отрасли, считавшиеся американскими по определению, начинают проигрывать на собственном рынке.

ОСЕНЬ 1975-ГО

Теперь про Нью-Йорк, потому что этот эпизод показывает состояние точнее любой сводки.

Город годами тратил больше, чем собирал, и закрывал разрыв займами. Весной 1975-го рынок отказался покупать его бумаги. Выяснилось, что платить нечем — не только по долгам, но и по зарплатам.

Штат создал специальную корпорацию для рефинансирования городского долга. Её бумаги тоже не покупали. Тогда в сентябре создали чрезвычайный совет по финансовому контролю, фактически передавший бюджет города под внешнее управление. Избранная городская власть перестала распоряжаться собственными деньгами.

Всё лето городские и штатные руководители ездили в Вашингтон просить помощи.

29 октября 1975 года Форд выступил в Национальном пресс-клубе и отказал. Смысл выступления был шире отказа: он говорил, что болезнь Нью-Йорка не уникальна, что другие города, штаты и само федеральное правительство от неё не застрахованы, и что если тратить больше, чем имеешь, день расплаты придёт ко всем.

На следующий день вышел тот самый заголовок.

Дальше произошло то, что происходит обычно. Скандал создал давление, давление создало решение: в декабре 1975 года президент подписал закон о сезонном кредитовании, открывший городу доступ к казначейским займам на несколько лет вперёд. Город устоял.

Ценой стало внешнее управление бюджетом и сокращение всего, что можно было сократить.

ЧЕГО Я ЗДЕСЬ НЕ УТВЕРЖДАЮ

Скажу прямо, потому что соблазн велик и я его вижу.

Я не утверждаю, что банкротство Нью-Йорка привело к новой холодной войне. Это была бы дешёвая конструкция, и проверить её нечем.

Между городским долгом и стратегическими директивами нет ни одной документальной связи, и я её выдумывать не стану.

Проверяю я другое, и вопрос ставится так: создал ли внутренний кризис политический запрос на восстановление позиции страны в мире?

На этот вопрос ответ есть, и он утвердительный — не потому, что кто-то так решил, а потому, что это видно по тому, что происходило дальше в самой американской политике.

Общество, которое за четыре года пережило отказ от золотого обеспечения, нефтяной шок, отставку президента, поражение в войне и неплатёжеспособность главного города, приходит к простому выводу: так дальше нельзя.

Дальше вывод оформляется. В 1976 году один президент проигрывает выборы, к концу десятилетия проигрывает и следующий. Побеждает в итоге тот, кто говорит не о разумных пределах, а о возвращении величия.

Кризис не создаёт стратегию. Он создаёт спрос на неё. А стратегию потом пишут конкретные люди в конкретных кабинетах — и в следующем материале я назову их поимённо.

ФУНКЦИЯ, А НЕ ЗАГОВОР

И последнее, самое существенное.

Есть распространённое утверждение: американская система лечит внутренние кризисы внешней мобилизацией, и делает это сознательно. Проверим его аккуратно.

Как утверждение о замысле оно недоказуемо: документа, где было бы записано «начнём противостояние, чтобы выйти из спада», не существует, и я на такой не рассчитываю.

Как утверждение о функции оно проверяется и подтверждается. Первая мировая превратила должника в крупнейшего кредитора. Вторая дала промышленную мобилизацию невиданного масштаба, технологический скачок и разрушение всех конкурентов разом. Послевоенное противостояние обеспечило постоянные оборонные расходы, государственное финансирование науки, космическую программу и глобальную сеть союзников.

Внешняя мобилизация действительно работала как механизм внутренней консолидации и роста. Это описание функции, и оно верно.

Но между «работало» и «делали ради этого» — пропасть, и переходить её без документа я не буду. Разница между этими двумя утверждениями — ровно разница между разбором и мифологией.

Вопрос, на который у меня нет ответа.

Страна, у которой перестал сходиться внутренний баланс, ищет решение внутри себя или снаружи?

И второй, которым он на самом деле проверяется: если снаружи — то кто именно и в каком кабинете принимает это решение?

Четвёртый материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — 6 мая 1976 года, разрешение переписать оценку советской угрозы, состав тех, кому это поручили, и фраза из преамбулы их собственного доклада о том, по какому признаку их отбирали.

Разведка дала оценку. Её признали недостаточно тревожной и заказали другую

№ в серии: 80 из 233 · № в сезоне: 5 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен: 16.12.2026 · ЖЖ: 29.01.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление, Рука Москвы

Принято считать, что холодную войну вернул Рейган, а спусковым крючком был Афганистан.

Даты не сходятся. Решение пересмотреть оценку советских намерений принято 6 мая 1976 года, при президенте Форде, и через месяц оформлено процедурным документом.

Прослеживаю, как оценка стала позицией, позиция — организацией, а организация — кадровым составом будущей администрации. Ничего тайного: всё опубликовано.

В преамбуле доклада, о котором пойдёт речь, написано, как подбирали его авторов. Формулировка такая: участников отбирали среди специалистов по советским делам, известных более мрачным взглядом на советскую угрозу.

Это не утечка, не обвинение и не позднейшая реконструкция. Это описание процедуры, сделанное самими организаторами в служебном тексте. Люди, заказавшие альтернативную оценку, прямо зафиксировали, по какому признаку выбирали тех, кто её напишет.

С этой фразы стоит начинать любой разговор о том, кто закончил разрядку.

КАК ДО ЭТОГО ДОШЛО

Национальные разведывательные оценки — NIE — в Соединённых Штатах готовит всё разведывательное сообщество, а ведёт работу ЦРУ. Серия, о которой речь, называлась NIE 11-3/8: советские стратегические силы и советские цели. Оценка 1975 года худшего сценария не подтверждала.

Президентский консультативный совет по внешней разведке — PFIAВ — счёл это неудовлетворительным и ещё в начале 1975 года предложил создать независимую группу, которая посмотрит те же материалы своими глазами.

Директор ЦРУ Уильям Колби отказал. Аргумент он изложил профессиональный и, надо сказать, безупречный: трудно представить, каким образом созданная на случай группа аналитиков подготовит более полный и тщательный разбор советских стратегических возможностей, чем всё разведывательное сообщество.

В ноябре 1975 года Колби был снят с должности в ходе кадровой перетряски, которую в Вашингтоне назвали Хэллоуинской резнёй. Директором ЦРУ стал Джордж Буш-старший.

PFIAВ, к тому времени возглавляемый Лео Черне, повторил своё предложение. 6 мая 1976 года Буш согласился. 8 июня процедура была зафиксирована документально: эксперимент по конкурентному анализу, три темы, отобранные директором по согласованию с помощником президента по национальной безопасности, и по каждой теме — своя внешняя группа.

Темы выбрали три: советская противовоздушная оборона на малых высотах, точность советских ракет и советские стратегические цели.

Первые две — технические. Третья — о намерениях. Именно её и запомнили под именем «Команда Б».

КТО В НЕЙ СИДЕЛ

Председателем группы по целям стал Ричард Пайпс, гарвардский историк России.

Рядом с ним — Пол Нитце, бывший заместитель министра обороны; Фой Колер, бывший посол в Москве; Уильям Ван Клиф; генерал Дэниел Грэм, ранее возглавлявший Разведывательное управление министерства обороны; генерал Джон Вогт; Томас Вулф из RAND; генерал Джаспер

Уэлч; Сеймур Вайс из Госдепартамента; Пол Вулфовиц из агентства по контролю над вооружениями.

Стоит зафиксировать: это не диссиденты и не посторонние. Это истеблишмент — и каждого утверждало само ЦРУ.

Здесь и находится главная особенность сюжета, из-за которой он сильнее любой конспирологии. Ничего не скрывали. Процедуру санкционировал директор разведки, состав согласовали, темы утвердили, результат оформили докладом, доклад в декабре ушёл в прессу. Прятать было нечего, потому что происходившее считалось нормальной работой.

ЦИФРА, КОТОРАЯ РЕШИЛА ВСЁ

В октябре 1976 года, пока группа работала, ЦРУ опубликовало пересмотр собственной оценки советских военных расходов. Доля расходов на оборону в валовом продукте СССР выросла в оценке почти вдвое: с шести-восьми процентов до одиннадцати-тринадцати.

Впечатление это произвело оглушительное. Выходило, что противник тратит на войну вдвое больше, чем считалось.

Теперь то, что в этой истории тонет всегда, а объясняет её целиком.

В самом документе ЦРУ о пересмотре сказано, из чего этот рост сложился. Около девяноста процентов прибавки дали не новые данные о советских войсках и не обнаруженное оружие, а изменившееся понимание рублёвых цен и издержек. Два годами позже управление сформулировало это ещё прямее: советская оборонная промышленность оказалась гораздо менее эффективной, чем считалось раньше.

Прочитайте это ещё раз.

Цифра удвоилась не потому, что Советский Союз стал производить больше оружия. Она удвоилась потому, что в Лэнгли поняли: то же самое оружие обходится ему дороже. Танк остался тем же танком. Изменилась цена танка.

Это показатель слабости экономики. Он был прочитан как показатель силы армии — и в таком виде лёг в основание всего, что происходило

далее.

Я не утверждаю, что кто-то перевернул смысл сознательно. Я утверждаю, что смысл был перевёрнут, и что это документируется собственными бумагами управления.

МЕТОД

Доклад «Команды Б» упрекал разведку в том, что та опирается на технические данные вместо того, чтобы понимать советские цели через советскую историю, устройство общества и заявления руководства.

Как это выглядело на практике — три примера.

Противолодочная система. Группа исходила из того, что советский флот способен обнаруживать американские подводные лодки. Акустических средств для этого не нашли. Вывод был сделан такой: значит, средства неакустические — и именно поэтому их не находят. Отсутствие доказательства предъявили как доказательство.

Бомбардировщик Ту-22М. Группа прогнозировала около пятисот машин к 1984 году. В 1984-м их было двести тридцать пять.

Противовоздушная оборона. Разведка считала её деградирующей — ровно из-за экономических трудностей. Группа заявила, что это советская маскировка, а система работает безупречно. Основанием служило советское наставление, где так и было написано.

И здесь я обязана сказать вторую половину, потому что без неё разбор превращается в памфлет.

«Команда Б» была права в одном, и права существенно. Оценки ЦРУ действительно были дефектны — управление признало это в собственном внутреннем обзоре 1989 года. А когда в 1989 году Горбачёв назвал реальную цифру советских военных расходов, она оказалась заметно выше прежних американских расчётов.

То есть спор шёл не между истиной и ложью. Он шёл между двумя способами ошибаться. Просто победил тот, который требовал больше денег.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

В ноябре 1976 года — через считанные недели после того, как группа закончила работу, — учреждается вторая версия Комитета по существующей опасности. Первый программный текст комитета пишет Пайпс. Среди учредителей — Нитце, Колер, Ван Клиф. Среди членов — Рональд Рейган.

Немедленного эффекта не последовало. Форд выборы проиграл; доклад утёк в печать уже после победы Картера, и в новой администрации выводы группы сочли умозрительными. Формально всё кончилось ничем.

Формально.

Через четыре года тридцать три члена Комитета по существующей опасности вошли в администрацию Рейгана. Ричард Пайпс с 1981 по 1983 год отвечал в Совете национальной безопасности за советское направление. Именно в январе 1983-го оттуда выйдет директива, впервые ставящая задачей не сдерживание Советского Союза, а давление на его внутреннее устройство.

Цепочка занимает пять лет и не содержит ни одного тайного звена:

оценку признали недостаточной → заказали альтернативную у людей, отобранных по взгляду → альтернативная стала публичной позицией → позиция обзавелась организацией → организация оказалась кадровым резервом → резерв написал директивы.

Никакого центра управления для этого не потребовалось. Достаточно биографий.

ЧЕГО Я НЕ УТВЕРЖДАЮ

Что «Команда Б» была заговором. Не была: заговоры не оформляют процедурными документами и не публикуют результат.

Что её выводы были заведомо ложными. Часть — да, и это проверено временем. Часть — нет.

Что решение 1976 года предопределило 1991-й. Между ними пятнадцать лет и десятки решений, принятых другими людьми в другой

стране.

Утверждаю ровно одно, и оно доказуемо: точка, в которой разрядка потеряла опору внутри американского истеблишмента, приходится на 1976 год. Не на 1979-й, не на 1981-й. И перед этой точкой не было ни Афганистана, ни Рейгана, ни ракет средней дальности в Европе.

ГОД, В КОТОРОМ СОШЛОСЬ

Есть деталь, из-за которой я вообще взялась за этот сюжет.

1976-й — это середина семидесятых. Тот самый период, когда обмен учёными между двумя странами достиг максимума за всю свою историю: около ста шестидесяти семи человеко-месяцев в год в каждую сторону. Люди летали, читали лекции, работали в чужих лабораториях. Мой отец за пять лет до этого провёл год в Калифорнии.

К началу восьмидесятых от этих ста шестидесяти семи останется около пятидесяти.

Обе вещи происходили в одной и той же стране, в отношении одной и той же другой страны, в одни и те же месяцы. В одном здании подписывали визы. В другом писали доклад.

Так и выглядит момент, когда историю разворачивают: не громом, а двумя параллельными процедурами, одна из которых уже не имеет будущего, а вторая об этом ещё не объявила.

Здесь у меня ответа нет.

Как отличить пересмотр угрозы, вызванный новыми данными, от пересмотра, вызванного новым составом авторов, — если и то и другое оформляется одинаково?

И второй, который я задаю не только про Америку: что происходит с государством, в котором оценку собственной угрозы можно заказать?

Пятый материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — директива от 17 января 1983 года, три её элемента, и что стоит за вторым из них. А также ноябрь 1983-го, о котором

американцы честно написали сами — и рассекретили это только в 2015 году.

Три элемента. Второй назывался «внутреннее давление»

№ в серии: 81 из 233 · № в сезоне: 6 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен:
18.12.2026 · ЖЖ: 31.01.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление, Рука Москвы

17 января 1983 года президент Рейган подписал директиву из десяти страниц. В ней сказано, что политика США в отношении Советского Союза состоит из трёх элементов. Первый — сопротивление вовне.

Третий — переговоры. Второй — внутреннее давление на СССР с целью ослабить источники его поведения.

Смотрю, во что второй элемент был превращён на практике, во что не был, и чем всё это едва не кончилось в ноябре того же года.

Прошлый разбор закончился 1976 годом: оценку советских намерений признали недостаточно тревожной и заказали другую. Через пять лет авторы той оценки пришли в администрацию. Ещё через два года они написали то, ради чего всё затевалось.

Директива номер 75 подписана 17 января 1983 года. Гриф — секретно, чувствительно; рассылка ограничена кругом «по необходимости знать». Сегодня она лежит в открытом читальном зале ЦРУ.

Первая фраза документа устроена как формула. Политика США в отношении Советского Союза состоит из трёх элементов: внешнее сопротивление советскому империализму; внутреннее давление на СССР, чтобы ослабить источники этого империализма; и переговоры об устранении разногласий на условиях строгой взаимности.

Дальше идёт задача номер один: сдерживать и со временем обратить вспять советскую экспансию.

Обратите внимание, что здесь произошло. До этого американская стратегия называлась containment — сдерживание. Её содержание было географическим: не дать системе расшириться. Директива 75 добавляет к географии кое-что другое. Объектом становится не граница, за которую

нельзя пускать, а источники поведения — то есть само устройство государства.

Тридцать пять лет спустя это кажется очевидным. В январе 1983 года это было решением, и его приняли в конкретный день конкретные люди.

ВО ЧТО ЭТО ПРЕВРАТИЛИ

Сама по себе формулировка — ещё не действие. Проверять надо не по словам, а по тому, что из слов сделали.

Здесь есть отличная возможность проверить, потому что за два месяца до директивы 75 вышла директива 66, и она устроена совершенно иначе. Никакой философии. 13 ноября 1982 года зафиксирован согласованный с союзниками режим по тому, что в документах названо стратегической триадой: технологии, торговля, кредиты.

Читается это как техническое задание:

— никаких дополнительных поставок советского газа сверх законтрактованного по первой нитке сибирского трубопровода; — внесение критических технологий и оборудования в списки КОКОМ, унификация национальных лицензионных процедур, усиление международного контроля за исполнением; — контроль над передовым оборудованием сверх расширенных списков, включая нефтегазовый сектор; — ужесточение условий по официально поддерживаемым кредитам: выше первый взнос, короче сроки, отдельный механизм мониторинга.

Вот как выглядит экономическая война, когда её пишут не публицисты. Списки позиций, лицензионные процедуры, размер первого взноса.

И первым пунктом триады идут технологии.

Я разбирала отдельным материалом, как в 1970 году советский физик уезжал в Калифорнию с прямым заданием — перенять опыт и воспроизвести его в Зеленограде, и как это было штатной практикой отрасли с 1959 года. Между той командировкой и этой директивой — двенадцать лет. То, за чем ехали, внесли в списки.

Канал не перерубили одним ударом. Его сузили: по межакадемической линии обмен упал примерно со ста шестидесяти семи человеко-месяцев в год в середине семидесятых до полусотни к началу восьмидесятых. Втрое.

ВО ЧТО ЭТО НЕ ПРЕВРАТИЛИ

Теперь то, что я обязана сказать прямо, и скажу один раз.

Директива 75 говорит о внутреннем давлении. Директива 66 показывает, как это давление операционализировали по линии экономики и технологий: списки, кредиты, лицензии.

По линии «устройства» операционализации в рассекреченном корпусе нет. Ни один открытый американский документ не описывает программы работы с конкретными советскими руководителями. Ни имён, ни каналов, ни отчётности.

Это может означать три разные вещи: что программы не было; что она была и остаётся закрытой; что она была, но не оформлялась документом. Различить эти три случая я не могу и придумывать различия не стану.

Что я могу — зафиксировать формулировку задачи и сопоставить её с результатом. Это делается, и это будет сделано в конце сезона. Но между формулировкой и результатом лежат пятнадцать лет, и заполнять их догадками я не буду.

1983 ГОД

Дальше стоит просто перечислить, что было в том календарном году, потому что перечисление действует сильнее любого объяснения.

8 марта — речь про империю зла.

23 марта — объявление Стратегической оборонной инициативы, то есть заявка на то самое противоракетное строительство, которое договор 1972 года запрещал ровно потому, что оно делает первый удар мыслимым.

1 сентября — сбит южнокорейский Boeing с двумя с половиной сотнями человек на борту. Ноябрь — начало размещения Pershing II в

Западной Германии, подлётное время до Москвы — считанные минуты.

А теперь то же самое с другой стороны.

РЯН

В мае 1981 года на закрытом совещании руководящего состава КГБ было объявлено, что Соединённые Штаты готовят внезапный ядерный удар и что главная задача разведки — не пропустить военные приготовления противника. Текст выступления Андропова обнаружен в архивах украинского КГБ и опубликован в 2018 году.

Операция получила название РЯН — ракетно-ядерное нападение. Резидентурам предписали искать признаки подготовки удара.

И вот здесь начинается то, от чего мне становится физически не по себе.

Признаками велели считать, среди прочего, изменение освещённости в правительственных зданиях по ночам и цену донорской крови.

Задание такого рода не может дать отрицательного ответа. Свет в окнах горит всегда — вопрос лишь, с чем сравнивать. Разведка, которой поручено искать подтверждения, находит подтверждения. Это не глупость исполнителей. Это устройство задачи.

Две страны одновременно построили себе по механизму, который умел только подтверждать худшее. Одна — «Команду Б». Другая — РЯН.

НОЯБРЬ

Учения Able Archer 83 шли со 2 по 11 ноября, завершая двухмесячный цикл Autumn Forge, в котором участвовало около ста тысяч человек. Отрабатывался переход от обычной войны к ядерной — то есть процедуры выдачи разрешения на применение.

В британской сводке, составленной в марте 1984 года, объяснено, чем эти учения отличались от предыдущих. Изменили детальные процедуры и форматы сообщений при переходе от обычной войны к ядерной.

Усилили обмен между штабами и подчинёнными звеньями.

И, в отличие от прошлых лет, войска не находились в состоянии общей готовности с самого начала: их провели через все фазы последовательно — от нормального состояния до общей готовности.

То есть в 1983 году учения впервые выглядели как настоящее нарастание.

С той стороны это и увидели. 8 ноября в резидентуры ушла срочная телеграмма о том, что силы НАТО приведены в повышенную готовность. В Польше и ГДР самолёты получили подвеску. Часть ракетных средств перевели в повышенную готовность. Отбой прошёл 11 ноября, когда учения кончились.

Американская сторона в тот момент не понимала, что происходит. Разведывательное обеспечение показывало необычную активность, и генерал-лейтенант Леонард Перрутс, отвечавший за разведку ВВС США в Европе, принял решение не отвечать на неё встречным повышением готовности.

Он не сделал ничего.

Иногда история держится на том, что кто-то не отдал приказ.

ЧТО НАПИСАЛИ САМИ

Через шесть лет Перрутс, уходя в отставку, изложил случившееся в дополнении к отчёту. Это привело к полномасштабному разбирательству, которое провёл Президентский консультативный совет по внешней разведке — тот самый PFIAB, с которого начиналась «Команда Б».

Доклад «Советский военный испуг» датирован 15 февраля 1990 года. Гриф — высшая категория секретности со всеми возможными ограничительными пометами.

Выводы там такие.

Что советская сторона была напугана по-настоящему и что часть её сил, судя по всему, готовилась либо к упреждению, либо к ответному удару.

Что Соединённые Штаты, возможно, непреднамеренно поставили отношения с Советским Союзом на боевой взвод.

Что президенту докладывали оценки, преуменьшавшие риск.

И — фраза, которую я считаю главной во всём документе: разведывательное сообщество совершило особо тяжёлую ошибку, предположив, что раз мы сами знаем, что не собираемся начинать третью мировую войну, то и в Кремле будут думать так же.

Доклад пролежал под грифом двадцать пять лет. Его рассекретили в 2015 году — после двенадцатилетней тяжбы, через межведомственную апелляционную комиссию.

ПОСТСКРИПТУМ, КОТОРОГО Я НЕ ПЛАНИРОВАЛА

В 2021 году эти материалы вошли в официальную серию документов внешней политики США.

В ноябре 2025 года часть из них была из этой серии удалена. Госдепартамент переиздал том без них. Это первый известный случай, когда ведомство изымает из своей официальной публикации документы, уже рассекреченные и уже напечатанные.

Я не знаю, что это значит. Знаю только, что документ, объясняющий, как две страны едва не начали ядерную войну по недоразумению, был доступен десять лет, а теперь доступен не полностью.

И знаю, что страна, о которой всё это написано, узнала о ноябре 1983 года через тридцать два года и не от себя.

Формула, к которой этот разбор ведёт, звучит так.

Ядерное оружие не отменило войну. Оно сменило её объект. Пока противника можно было победить силой, целью была территория. Когда сила стала невозможной, целью стало устройство.

Отсюда единственный вопрос, которым я заканчиваю.

Если с января 1983 года объектом стала не страна, а её устройство — кто внутри страны за устройство отвечал?

Шестой материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — «Двадцать лет разведка содержала журналы. Признался в этом сам начальник отдела».

Двадцать лет разведка содержала журналы. Признался в этом сам начальник отдела

№ в серии: 82 из 233 · № в сезоне: 7 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен:
20.12.2026 · ЖЖ: 02.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление

20 мая 1967 года в американском массовом еженедельнике вышла статья под заголовком, который можно перевести как «Я рад, что ЦРУ безнравственно».

Автор — бывший начальник отдела международных организаций этого самого управления. В статье он подтверждал: да, мы двадцать лет содержали интеллектуальные журналы, и один наш сотрудник сидел в редакции.

Восстанавливаю, что это была за работа, на кого она была направлена — и почему направлена была совсем не туда, куда принято думать.

Начну с того, чего в этой истории нет.

Нет утечки. Нет разоблачения. Нет анонимного источника и нет вскрытого архива. Есть статья в журнале, который продавался в газетных киосках, написанная человеком, который этим занимался, и подписанная его именем.

Томас Брейден возглавлял в ЦРУ отдел международных организаций. В мае 1967 года он изложил в печати, что более десяти лет управление субсидировало интеллектуальные издания через Конгресс за свободу культуры, который оно же и финансировало, и что один из сотрудников управления состоял в штате редакции.

С этой публикации и надо начинать любой разговор о культурной войне. Потому что дальше в этом разговоре обычно начинается сплошное «по некоторым данным», а здесь — подпись автора.

ЧТО ИМЕННО СОДЕРЖАЛИ

Конгресс за свободу культуры учреждён в Западном Берлине в 1950 году. Исполнительным директором на все семнадцать лет его существования стал Майкл Джосселсон.

Масштаб к пику: представительства примерно в тридцати пяти странах, свыше двадцати журналов, художественные выставки, музыкальные конкурсы, премии, собственная служба новостей, международные конференции. Деньги шли через подставные фонды — главным был Фарфилдский — и к середине пятидесятых составляли порядка миллиона долларов в год.

Флагман — лондонский Encounter, основанный в 1953 году, редакторы Стивен Спендер и Ирвинг Кристал. Парижский Preuves. Итальянский Tempo Presente. Десятки других.

Авторы — не маргиналы. Через издания и мероприятия конгресса прошли Артур Кёстлер, Игнацио Силоне, Ханна Арендт, Исая Берлин, Раймон Арон, Дэниел Белл, Лайонел Трилинг, Мэри Маккарти. Джордж Кеннан, Роберт Оппенгеймер, Джон Кеннет Гэлбрейт и Артур Шлезингер публично вступались за конгресс, когда пошли первые слухи.

Ни одному из них не давали указаний, что писать. В этом всё дело — и к этому я вернусь.

НА КОГО ЭТО БЫЛО НАПРАВЛЕНО

Вот единственный вопрос, ради которого стоит держать в голове весь этот сюжет.

Не на массы. Не на молодёжь. Не на рабочий класс.

На интеллектуальный слой союзников. Задача формулировалась как отведение западноевропейской интеллигенции от марксизма — то есть работа с теми несколькими тысячами человек, которые производят слова, которыми потом думают остальные.

Государство двадцать лет вкладывало серьёзные деньги не в пропаганду для широкой публики, а в среду, где формулируются понятия.

Оно совершенно точно понимало, что понятия важнее лозунгов, и действовало соответственно.

Механика при этом была устроена тоньше, чем принято думать. Никто не заказывал статей. Никому не диктовали выводов. Финансировалась площадка — а площадка сама отбирала, кого печатать чаще, кого приглашать на конференцию, кому давать премию. Автор был свободен полностью. Несвободен был доступ.

Это не мой вывод, а описание, которое дают сами участники. И оно объясняет, почему большинство авторов искренне ничего не знали: знать было нечего. Их не покупали. Их печатали.

КАК ЭТО КОНЧИЛОСЬ

В апреле 1966 года «Нью-Йорк таймс» в большом материале о методах разведки упомянула, что управление субсидировало парижский конгресс и лондонский Encounter.

В начале 1967 года журнал Ramparts подробно вскрыл, как через подставные фонды финансировалась Национальная студенческая ассоциация, и заодно показал устройство всей сети.

20 мая 1967 года вышла статья Брейдена.

Джосселсон признал, что направлял деньги управления в организацию с самого её основания. Спендер ушёл из журнала, заявив, что слухи слышал, но подтвердить их не мог. Дуайт Макдональд, печатавшийся в Encounter, спросил Джосселсона прямо: думаете, я пошёл бы к вам в 1956 году, если бы знал, откуда деньги.

Конгресс распустили и почти сразу пересобрали под другим названием — Международную ассоциацию за свободу культуры, теперь на деньги Фонда Форда. Прожила она до 1978 года и прежнего значения не имела.

Операция кончилась не потому, что провалилась. Она кончилась потому, что о ней написали.

ТЕПЕРЬ ПРО ТО, ЧЕГО ВСЕ ЖДУТ

Дойдя до этого места, читатель ждёт двух названий. Оба будут, и с обоими придётся разобраться честно, потому что в них вся разница между разбором и фольклором.

Первое — MKULTRA.

Программа санкционирована меморандумом директора ЦРУ Аллена Даллеса 13 апреля 1953 года. Руководил ею химик Сидней Готтлиб.

Опыты с психоактивными веществами, включая ЛСД, ставились в том числе на людях, которых не предупреждали. Задействовано было свыше восьмидесяти учреждений.

В 1953 году после дозирования препаратом погиб армейский учёный Фрэнк Олсон; в 1976-м его семья получила от государства 750 тысяч долларов и извинения от президента и директора управления.

Всё это установлено и признано. И вот что установлено дальше.

Внутренняя инспекция самого ЦРУ в 1963 году оценила программу как не оправдывающую вложенного и отдельно отметила, что записей о планировании и утверждении испытаний просто не ведётся.

В 1973 году по распоряжению директора Хелмса дела уничтожили. Уцелело около двадцати тысяч страниц — только потому, что их ошибочно подшили в финансовые фонды и при уничтожении не нашли.

Их обнаружили в 1977 году по запросу о свободе информации. 3 августа 1977 года прошли слушания подкомитета сенатора Кеннеди.

А в 2025 году были опубликованы стенограммы закрытых показаний самого Готтлиба, данных ещё в 1975-м. Смысл его собственной оценки такой: если сложить потраченные деньги, потраченные усилия и понесённый риск, программа скорее всего не окупилась.

Зафиксируем даты, потому что они решают дело. Программу свернули задолго до конца шестидесятых. Её собственные создатели признали её малорезультативной в 1963 году. Дела уничтожили в 1973-м.

То есть документированная программа управления сознанием была закрыта и списана в убыток до того, как развернулось явление, которое ей приписывают.

Второе — Тавистокский институт.

Здесь я буду особенно точна, потому что этот сюжет сегодня встречается чаще всех остальных вместе взятых.

Что подтверждается. Институт человеческих отношений основан 20 сентября 1947 года как благотворительная организация, выделившись из социального отделения Тавистокской клиники, когда клиника входила в британскую систему здравоохранения и вести консультационную работу больше не могла.

Создание обеспечено грантом Фонда Рокфеллера. Корни — военные: сотрудники клиники в войну работали в армейской психиатрии и на отборочных комиссиях офицерского состава.

Направления — исследование действием, социотехнические системы, групповая динамика. Издаёт журнал Human Relations.

Заказчиками пятидесятых и шестидесятых были промышленные компании: Unilever, Shell, Glacier Metals и другие.

Что не подтверждается ничем. Проектирование контркультуры. Управление программами американской разведки. Существование над ним какого-либо руководящего «комитета». Ни архивного основания, ни документа, ни ссылки, которую можно проверить. Главный источник этих утверждений — книга, автор которой не предъявляет проверяемых документов ни по одному ключевому пункту.

Скажу прямо, потому что иначе разбор нечестен: мне было бы удобно, если бы это подтверждалось. Сюжет сезона от этого стал бы стройнее, а рассказ — эффектнее.

Не подтверждается. И я не собираюсь ставить один непроверяемый узел рядом с девятью документированными: рецензент бьёт именно в него, и после этого уже неважно, что там с директивой 75.

ТАК БЫЛА ЛИ КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Была. Только не та.

Что документировано: государственная работа с интеллектуальной средой союзников, двадцать лет, через финансирование площадок, с бюджетом порядка миллиона в год и признанием ответственного лица в открытой печати.

Что не документировано: проектирование молодёжной контркультуры, наркотизации, сексуальной революции.

Изменения конца шестидесятых были огромны и реальны — семья, отношение к труду, отношение к авторитету, длина горизонта планирования. Я не считаю их выдумкой и вернусь к ним отдельно, в конце сезона.

Но у перехода от «изменилось» к «изменили» нет ни одного документа. Зато есть объяснение, которое покрывает тот же массив фактов и требует куда меньше допущений: бунт не сконструировали, его купили. Оптом, быстро и с прибылью. Пластинка, джинсы, плакат. Это не заговор, это рынок — и документов по нему сколько угодно, включая бухгалтерские.

РАДИ ЧЕГО ВСЁ ЭТО

Теперь вопрос, ради которого материал написан.

Мы установили: государство умело работать с интеллектуальным слоем. Считало это приоритетом. Финансировало двадцать лет. Понимало, что решает не пропаганда, а среда, в которой формулируют понятия. И работало не с чужим слоем, а со своим — с интеллигенцией собственных союзников, которую считало недостаточно надёжной.

Отсюда — вопрос, с которым я вхожу в следующий материал.

Если этот навык существовал, был отработан и стоил денег — на каком основании считается, что применительно к советскому интеллектуальному слою его не применяли вовсе?

И зеркальный, без которого первый — просто риторика:
если применяли, где документ?

Седьмой материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — канал, открытый межправительственным

соглашением 1958 года, двадцать студентов в первом наборе, одна фамилия в этом наборе и двадцать пять лет пути от студенческой скамьи в Нью-Йорке до кабинета в Москве. И то, чего в этой истории нет, — тоже.

Он приехал в Колумбийский университет. Вернулся через двадцать пять лет

№ в серии: 83 из 233 · № в сезоне: 8 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен:
22.12.2026 · ЖЖ: 04.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление

10 мая 1959 года информационное бюро Колумбийского университета выпустило пресс-релиз: четверо стажёров из России завершают годичное пребывание.

К нему прилагалось фото у входа в библиотеку — четыре молодых человека, подписаны слева направо. Один из них через тридцать лет станет главным идеологом перестройки.

Другой — генералом КГБ, а потом заочно осуждённым за государственную измену. Дальше — канал, по которому они туда попали, и то, чего в этой истории нет.

Фамилии в подписи такие: Олег Калугин, Александр Яковлев, Ю. Стожков, Геннадий Бехтерев.

О двух последних мне неизвестно почти ничего. О первых двух известно слишком много, и почти всё — задним числом.

Начнём с того, как они там оказались, потому что это документ, а не догадка.

СОГЛАШЕНИЕ

27 января 1958 года в Вашингтоне подписано межправительственное соглашение об обменах в культурной, технической и образовательной областях. По фамилиям переговорщиков его называют соглашением Лейси — Зарубина.

Документ конкретен до неприличия для дипломатической бумаги. В нём прописаны пары университетов: Московский государственный с Колумбийским, Ленинградский с Гарвардским. Прописано число: по двадцать человек с каждой стороны на учебный год. Прописаны сроки

поездок учёных — от двух недель до года, — и даже количество медиков в делегациях.

Соглашение было двусторонним и взаимным. Американские студенты ехали в Москву, советские — в Нью-Йорк.

И у каждой стороны была своя цель.

Советская сторона хорошо понимала, зачем ей это. Я разбирала отдельно, как с 1959 года министерство систематически направляло специалистов в США изучать планарную кремниевую технологию, и как через двенадцать лет по этой линии поедет мой отец. Технология, наука, знание о противнике.

Американская сторона свою цель изложила письменно. В официальной истории межакадемического сотрудничества сказано прямо: правительство рассчитывало, что знакомство советских учёных и инженеров с американскими достижениями будет способствовать медленной эволюции Советского Союза в сторону американского общества.

Вот это и надо держать в голове весь остаток сезона. Канал был один. Целей было две. И обе стороны свою цель записали.

Никакой конспирологии для этого не требуется. Требуется только внимательное чтение того, что опубликовано.

КАК КАНАЛ РОС

Дальше он расширялся почти двадцать лет.

В 1972 году в Москве подписывают соглашение об обменах, отдельное соглашение о науке и технике и создают совместную комиссию.

В 1973-м в Вашингтоне подписывают одиннадцать документов сразу, включая генеральное соглашение о контактах.

В том же 1972-м учреждается Международный институт прикладного системного анализа под Веной, советским соучредителем которого выступает институт, возглавляемый зятем Косыгина.

Параллельно в Москве работают институты, чья задача — знание о противнике: ИМЭМО, ИСКАН, ИНИОН. Про них я подробно писала отдельно и повторяться не буду.

К середине семидесятых обмен по академической линии достигает максимума за всю историю — около ста шестидесяти семи человеко-месяцев в год в каждую сторону.

Это была большая, легальная, двусторонняя, растущая инфраструктура. Тысячи людей. Двадцать пять лет.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ ОДНОЙ БИОГРАФИИ

Теперь по датам одного человека.

1958–1959 — Колумбийский университет, первый набор.

Дальше — аппарат ЦК, с 1965 года первый заместитель заведующего отделом пропаганды, четыре года исполняющий обязанности заведующего.

Ноябрь 1972-го — статья «Против антиисторизма» в «Литературной газете». Про то, чем это кончилось и за что именно последовало взыскание, я писала отдельно; коротко напомним только суть, потому что она здесь важна: наказали не за содержание, а за публикацию без санкции.

1973-й — посол СССР в Канаде. Десять лет.

17–24 мая 1983 года — визит в Канаду секретаря ЦК по сельскому хозяйству Михаила Горбачёва. Поездку готовит посол. Они проводят вместе несколько дней, и по всем свидетельствам именно там между ними возникают близкие отношения.

1983-й — возвращение в Москву, директор ИМЭМО. 1985-й — заведующий отделом пропаганды ЦК. 1986-й — секретарь ЦК. 1987-й — член Политбюро.

Двадцать пять лет от студенческой скамьи в Нью-Йорке до высшего органа власти в стране.

ОБВИНЕНИЕ

Теперь то, ради чего этот сюжет обычно и вспоминают.

В мемуарах бывшего председателя КГБ Владимира Крючкова, вышедших после его отсидки, сказано: с 1989 года в комитет начала поступать информация о связях Яковлева с американскими спецслужбами, а первые сведения такого рода поступали ещё в 1960 году — то есть по итогам той самой стажировки.

По изложению Крючкова, он пришёл с этим к Горбачёву — за санкцией на проверку, поскольку речь шла о члене Политбюро.

Санкции он не получил. Горбачёв, по тому же изложению, предложил поговорить с Яковлевым лично. Крючков поговорил. Ничем это не кончилось.

ЧТО Я ОБ ЭТОМ ДУМАЮ

Скажу максимально ясно, потому что здесь легче всего скатиться и в одну сторону, и в другую.

Обвинение исходит от заинтересованного лица. Крючков изложил его в собственных мемуарах, после августа 1991 года, после следствия и заключения, то есть в положении человека, которому необходимо объяснить, почему он действовал так, как действовал.

Документов не предъявлено ни одного. Ни личного дела, ни донесений, ни справок — за тридцать с лишним лет, при том что архивы за эти годы открывались не раз. Историки, работавшие с материалом, говорят об этом прямо: пока нет дела и донесений, повторять формулировку означает повторять формулировку.

Яковлев обвинение отрицал — публично, при жизни, неоднократно.

Показания Калугина в этом сюжете доказательной силы не имеют вовсе: человек, заочно осуждённый в 2002 году за государственную измену, — свидетель, чьи слова нельзя положить в основание ничего.

Поэтому я не утверждаю, что Яковлев был агентом. И не утверждаю обратного. У меня нет документа ни на то, ни на другое, и придумывать его я не стану.

Более того. Я не имею права трактовать сам факт зарубежной командировки как признак — иначе мне пришлось бы применить этот признак к собственной семье, потому что мой отец ездил по такому же каналу и с прямым государственным заданием. Стажировка не улика. Это была профессия.

ЧТО ЗДЕСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ ДОКУМЕНТИРОВАНО

А теперь — то, ради чего материал написан, и то, что в этом сюжете обычно проскакивают мимо.

Самое интересное здесь не обвинение. Самое интересное — что государство с этим обвинением сделало.

Председатель Комитета государственной безопасности пришёл к генеральному секретарю с материалами на члена Политбюро. Процедура закончилась частной беседой.

Заметьте: чего бы эти материалы ни стоили — слабые, сильные, вздорные, — институционально произошло одно и то же. Проверки не было. Ни подтверждения, ни опровержения. Ни решения, ни отказа в решении. Вопрос просто перестал существовать.

И вот это уже утверждение не про Яковлева. Это утверждение про устройство.

В те же годы та же система работала безупречно — вниз. Офицеров, продавших секреты, устанавливали, судили и расстреливали; машина не давала сбоев. Наверх она не смотрела, и не потому, что не умела, а потому, что там начиналась зона, где вопрос решался не процедурой, а разговором.

Слой, который судит себя сам, — тема, которой в этой серии посвящено уже немало. Здесь она проступает в чистом виде: неважно, был ли в бумагах хоть один факт, если бумаги некому было прочитать по правилам.

И повторю один раз то, что говорила в прошлом материале, потому что без этого разбор нечестен: ни один рассекреченный американский

документ не описывает программы работы с конкретными советскими руководителями. Ни имён, ни каналов, ни отчётности. Канал контакта документирован. Работа через канал с персоналиями — нет.

ЧЕТЫРЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Когда историю человека такого масштаба сводят к слову «предатель» или к слову «реформатор», теряется всё содержание. Возможностей ровно четыре, и они разные.

Вербовка: человек сознательно работает в чужих интересах. Оснований в документах нет.

Идеологическое воздействие: человек не агент, но постепенно принимает чужую систему координат. Биографические основания есть — двадцать пять лет в среде, устроенной именно для этого.

Самостоятельный реформизм: человек искренне считает, что чинит собственную систему. Прямых свидетельств — больше всего, и его собственных, и чужих.

Сознательный демонтаж: человек понимает последствия и идёт на них. Это вопрос не этого сезона.

Комбинация тоже возможна, и она вероятнее любого чистого варианта.

И вопрос, который я оставляю открытым.

Чем отличается человек, которого убедили, от человека, который сам пришёл к тому же выводу, — если решения у них выходят одинаковые?

И если разницы нет для страны, есть ли она вообще?

Восьмой материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — список решений 1988–1990 годов с датами. Каждое из них принято в Москве, ни одно не принято под давлением силы, и каждое объективно совпало с чужим интересом. Разбираю, что из этого следует и что из этого не следует.

Решения принимали в Москве. Каждое совпало с чужим интересом

№ в серии: 84 из 233 · № в сезоне: 9 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен: 24.12.2026 · ЖЖ: 06.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление, Несокрушимая и легендарная

Выступая в ООН 7 декабря 1988 года, Горбачёв объявил о сокращении вооружённых сил на пятьсот тысяч человек и о выводе из ГДР, Чехословакии и Венгрии шести танковых дивизий с последующим расформированием. Встречного сокращения он не потребовал. Дальше — список из десятка таких же решений за три года. Разбираю, что из этого следует, что не следует, и почему ответ лежит не там, где его обычно ищут.

Сначала список. Без комментариев, по датам. Комментарии — потом.

7 декабря 1988. Речь в ООН. Одностороннее сокращение на пятьсот тысяч человек. Вывод и расформирование шести танковых дивизий из ГДР, Чехословакии и Венгрии. Оставшиеся дивизии переформируются в структуру, названную оборонительной. Взаимности не запрошено.

15 февраля 1989. Завершён вывод войск из Афганистана.

Весна — лето 1989. Круглый стол в Польше, полусвободные выборы 4 июня. Венгрия открывает границу с Австрией.

Конец октября 1989. Пресс-секретарь МИД в Хельсинки формулирует отказ от вмешательства в дела союзников. Формулировку тут же прозвали доктриной Синатры: каждый поёт по-своему.

9 ноября 1989. Берлинская стена. Советские войска, стоящие в стране, не получают никаких указаний.

2–3 декабря 1989. Мальта.

9 февраля 1990. Разговоры с госсекретарём США в Москве.

Июль 1990. Согласие на членство объединённой Германии в НАТО.

12 сентября 1990. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии.

19 ноября 1990. Договор об обычных вооружённых силах в Европе.

Весна — лето 1991. Роспуск военной организации Варшавского договора, затем самого договора. Роспуск Совета экономической взаимопомощи.

Прочтите список ещё раз и обратите внимание на одну вещь.

ОБЩЕЕ СВОЙСТВО

Ни одно из этих решений не было принято под военным давлением.

Никто не наступал. Границу никто не переходил. Ни одна советская дивизия не была разбита. Ракетные полки стояли на местах и несли дежурство. Флот выходил в море. Ядерный паритет, тот самый, ради которого страна платила три десятилетия, никуда не делся — он был в полном порядке на протяжении всего списка.

Второе общее свойство: почти каждое решение принималось без встречного обязательства сопоставимого размера. Не в обмен, а в качестве шага, за которым, как предполагалось, последует ответный.

Третье: все они приняты в Москве. Людями, занимавшими высшие должности. Оформлены подписями.

Здесь принято возражать, и возражение серьёзное. Разберём его целиком, потому что без него весь разговор пустой.

ВОЗРАЖЕНИЕ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Возражают так. Кризис был настоящий, страна не имела ресурса, и упрекать людей в том, что они не совершили невозможного, — дешёвая позиция.

Кризис действительно был настоящий. Вот он в параметрах, и я не собираюсь ни один из них смягчать.

13 сентября 1985 года Саудовская Аравия объявила, что перестаёт сдерживать добычу. К марту 1986-го нефть с уровня выше тридцати

долларов ушла ниже двенадцати. Валютная выручка страны, критически зависевшей от сырьевого экспорта, сократилась примерно вдвое за год.

Технологическое отставание к этому времени было структурным, а не догоняемым: то, за чем ещё в семидесятые ездили учиться, с ноября 1982 года находилось под согласованным режимом ограничений — списки, лицензии, кредитные условия.

Дальше — цифры конца пути.

Золотой запас. По разным оценкам, в середине восьмидесятых он составлял от шестисот до семисот с лишним тонн — расхождение в источниках здесь большое, и я не буду делать вид, что его нет.

Зато конечная точка известна точно: в октябре 1991 года Григорий Явлинский, отвечавший за переговоры об экономической помощи, публично назвал цифру около двухсот сорока тонн.

Только за 1990 год за рубеж ушло около четырёхсот семидесяти тонн — рекорд за всю историю страны.

Внешний долг. В договоре о правопреемстве, подписанном 4 декабря 1991 года, сумма долга СССР зафиксирована в девяносто три миллиарда долларов.

Это не публицистика. Это подписанный документ и публичное заявление ответственного лица.

Обстоятельства были тяжелейшими. Признаю полностью.

И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ

А теперь то, ради чего материал написан.

Обстоятельства объясняют, почему выбор был трудным. Они не объясняют, почему выбор был именно таким.

Это разные вещи, и их постоянно путают.

Сокращение армии могло быть проведено с требованием встречного шага — механизм для этого существовал и работал: договор по ракетам средней дальности 1987 года был именно взаимным, с проверками и графиками.

Согласие на объединение Германии могло сопровождаться письменным условием — форма для этого существовала, ею пользовались десятилетиями.

Роспуск союзной структуры мог быть увязан с роспуском противостоящей — такое предложение звучало.

Ни одна из этих возможностей не требовала силы, денег или нефти по тридцать долларов. Все они требовали одного: потребовать.

Тяжёлое положение объясняет, почему пришлось уступать. Оно не объясняет, почему уступали без счёта.

ДВОЙНОЙ ВОПРОС

Есть два вопроса, и оба надо задавать одновременно, иначе получается не разбор, а агитация.

Первый. Если распад был исключительно следствием внутренних противоречий — почему внешняя стратегия, сформулированная за пятнадцать лет до того, настолько точно совпала с результатом? Директива января 1983 года ставила задачей ослабление источников поведения советского государства. К 1991 году источники ослабли до исчезновения. Совпадение слишком плотное, чтобы его не заметить.

Второй. Если распад был исполнением чужого плана — почему система оказалась настолько уязвимой, что её судьбу изменила группа людей численностью в десятки человек? Никакой план не работает на конструкции, способной сопротивляться. Значит, конструкция сопротивляться не могла — и это уже вопрос к конструкции, а не к плану.

Ответ, по-моему, лежит ровно на пересечении, и звучит он так.

Внешнее давление было условием. Внутренний кризис был средой. Решение было поступком.

Условия не подписывают документов. Среда не голосует. Автор есть только у поступка.

Это не снимает вопроса о давлении — я разбирала его два материала подряд, по директивам, со списками КОКОМ и кредитными условиями.

Давление было, оно документировано и оно работало. Но давление сужает выбор, а не делает его. В сужённом до предела коридоре человек всё равно выбирает — просто цена ошибки становится непоправимой.

ЧЕГО Я НЕ УТВЕРЖДАЮ

Что каждое из перечисленных решений было ошибкой. Часть из них — вывод войск из Афганистана, договор по ракетам — я считаю правильными и объяснимыми.

Что иное решение спасло бы страну. Не знаю. Возможно, нет.

Что существовал план, по которому это делалось. Документов на это нет, и я об этом говорила прямо.

Утверждаю ровно одно, и оно проверяется списком: это были решения. Не капитуляция под огнём, не результат оккупации, не следствие поражения. Решения, принятые в кабинетах, в спокойной обстановке, людьми, которые могли решить иначе.

ЧТО В ЭТОМ САМОЕ ТЯЖЁЛОЕ

А самое тяжёлое — их будничность.

Ни одно из них в момент принятия не выглядело катастрофой. У каждого было разумное обоснование, и обоснование, как правило, честное: снять непосильную нагрузку, снизить риск войны, освободить ресурс, догнать по уровню жизни.

Катастрофа никогда не собирается из очевидных подлостей. Она собирается из разумных шагов, каждый из которых по отдельности защитим, а все вместе не оставляют ничего.

Именно поэтому меня не устраивает ни объяснение через предательство, ни объяснение через обстоятельства. Первое требует злодея, которого в документах нет. Второе требует, чтобы люди были механизмами, а они ими не были.

Вопрос, которым я закрываю этот разбор и на который у меня нет ответа.

Если условия сложились так, что защищать государство стало невыгодно тем, кто им распоряжался, — это провал конкретных людей или дефект конструкции, допускающей такое расхождение интересов?

И если второе — где в этой конструкции должен был стоять ограничитель, которого не оказалось?

Девятый материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — «Ни на дюйм на восток. Сказано трижды и не записано ни разу».

Ни на дюйм на восток. Сказано трижды и не записано ни разу

№ в серии: 85 из 233 · № в сезоне: 10 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен: 26.12.2026 · ЖЖ: 08.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление

9 февраля 1990 года в Кремле государственный секретарь США трижды повторил одну и ту же формулу: юрисдикция НАТО не сдвинется на восток ни на дюйм.

Записи этих бесед рассекречены и опубликованы в декабре 2017 года.

Письменного обязательства не появилось ни одного — при том, что через семь месяцев те же люди подписали договор, где численность германской армии прописана до человека.

Ниже — что здесь спорно, что бесспорно, и чем закончился восьмой сезон.

Начну с бесспорного, потому что спорного тут тоже хватает и его лучше разбирать после.

ЧТО БЫЛО СКАЗАНО

31 января 1990 года министр иностранных дел ФРГ публично формулирует идею: расширения НАТО на восток не будет.

9 февраля государственный секретарь США Джеймс Бейкер повторяет эту формулу в Москве — сначала министру иностранных дел СССР Эдуарду Шеварднадзе, затем Михаилу Горбачёву.

Горбачёву — трижды за одну встречу. В том числе в виде прямого вопроса: что вы предпочтёте — единую Германию вне НАТО, независимую и без американских войск, или единую Германию, связанную с НАТО, но с заверением, что нынешняя юрисдикция блока не сдвинется на восток ни на дюйм.

Ответ Горбачёва Бейкер на следующий день пересказал в письме канцлеру Колну: советское руководство обдумывает варианты, но любое

расширение зоны блока было бы неприемлемо.

10 февраля к разговору подключается сам Коль. В течение 1990 года и в 1991-м похожие заверения в разговорах с советской стороной дают Буш, Гейтс, Миттеран, Тэтчер, Хёрд, Мейджор, генеральный секретарь НАТО Вёрнер.

Всё перечисленное — не мемуары и не пересказы. Это записи бесед из американских, советских, немецких, британских и французских архивов, рассекреченные и выложенные в декабре 2017 года.

ЧТО ЗДЕСЬ СПОРНО

Спорно ровно одно: к чему относилась формула.

Западная позиция: речь шла о территории бывшей ГДР в контексте объединения Германии, а не о Восточной Европе вообще; общеевропейского обязательства никто не давал.

Российская позиция: заверения давались в контексте согласия на объединение и на роспуск союзной системы, и понимались как относящиеся ко всему пространству.

Спор реальный, и я не считаю его разрешённым. У обеих сторон есть основания в текстах.

Но за этим спором обычно теряется то, что спора не имеет вовсе.

ЧТО БЕССПОРНО

Ни одна из этих формул не была записана.

Ни в договоре, ни в протоколе, ни в приложении, ни в обмене нотами. За полтора года переговоров, где стороны согласовывали запятые, — ни одной строчки.

И вот теперь — то, ради чего этот материал написан.

Через семь месяцев, 12 сентября 1990 года, те же самые люди подписали в Москве Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Посмотрите, как он устроен.

Численность вооружённых сил объединённой Германии — сокращается до трёхсот семидесяти тысяч человек в течение трёх-четырёх лет. Цифра. В договоре.

Вывод советских войск с территории бывшей ГДР — завершается к концу 1994 года. Дата. В договоре.

Иностранные войска, ядерное оружие и его носители — не размещаются и не развёртываются на территории бывшей ГДР. Запрет с описанным контуром. В договоре.

Три жёстких ограничения в одном документе. С числами, сроками и границами применения. Более того — к договору есть согласованная протокольная запись, отдельно разъясняющая, как понимать слово «развёртываться» в последнем предложении одного из пунктов.

То есть переговорщики умели фиксировать ограничения. Умели превосходно. Спорили о толковании отдельного глагола и выносили толкование в приложение.

И всё это — про территорию бывшей ГДР.

Про всё, что восточнее, — ни слова. Ни ограничения, ни цифры, ни срока, ни даже упоминания.

Это не вопрос доверия и не вопрос наивности. Люди, вписавшие в договор потолок армии с точностью до тысячи человек, знали, как выглядит обязательство. Они просто не потребовали его там, где оно было нужнее всего.

ЦЕНА

Финансовую часть согласовали 10 сентября 1990 года, за двое суток до подписания.

Двенадцать миллиардов марок безвозмездно и ещё три в виде кредита. Всего пятнадцать.

Теперь — что за эти пятнадцать выводилось. Триста тридцать восемь тысяч восемьсот военнослужащих. Больше четырёх тысяч танков. Больше

трёх с половиной тысяч артиллерийских систем. Аэродромы, городки, склады, госпитали, полигоны, жилой фонд.

Оценки стоимости оставленной недвижимости и инфраструктуры расходятся в источниках на порядок, и я не стану выбирать удобную цифру. Достаточно бесспорного: выводили быстрее, чем строили жильё, части возвращались на необорудованные места, а многие соединения расформировали сразу по возвращении.

Люди, тридцать лет стоявшие на главном направлении, приехали домой и узнали, что их соединение больше не существует.

БАЛАНС 1991 ГОДА

Коротко и без прилагательных.

Получили Соединённые Штаты: исчезновение второго полюса; конец биполярной системы; расширение блока — в 1999 году три страны, в 2004-м ещё семь; выход американского влияния в регионы, откуда оно было исключено полвека; статус единственной сверхдержавы примерно на пятнадцать лет.

Получил Запад в целом: рынки; инвестиционные возможности; доступ к научно-техническому и промышленному наследию; кадры — тысячи специалистов, чью подготовку оплатила другая страна.

Потеряла страна: союзную систему; собственную территориальную целостность; часть промышленной базы; значительную часть научной инфраструктуры; внешние рынки; двадцать пять миллионов человек, оказавшихся за границами без переезда; и политическую субъектность на срок, который каждый определяет для себя сам.

Обмен состоялся без единого выстрела между главными участниками. В этом смысле он уникален.

КРАСНАЯ ЛИНИЯ

Теперь я обязана сказать то, ради чего затевался весь сезон.

Сезон начинался с окна: канал контакта, открытый в 1958 году, работавший двадцать пять лет, по которому ездили тысячи людей, включая моего отца. Обе стороны знали, зачем он открыт, и цели у них были разные — обе записаны.

Дальше окно закрыли, и у этого есть дата — 1976 год, за четыре года до Рейгана и за три до Афганистана.

Дальше объект войны сменился: с января 1983 года целью стало не сдерживание страны, а ослабление источников её поведения — то есть её устройство.

И вот здесь сходится всё.

Государство можно завоевать армией. Устройство армией не берётся. Устройство меняется только теми, кто внутри него распоряжается.

Слой, распоряжавшийся советским государством, имел от него всё — и не имел в нём ничего своего. Ни собственности, ни наследования, ни права передать. Я разбирала это в других сезонах и повторяться не буду, но вывод повторю, потому что он здесь и замыкается:

слой, у которого нет наследуемого интереса в стране, не требует гарантий для страны. Он требует гарантий для себя. И получает их.

Вот почему в главном размене своей жизни эти люди не потребовали бумаги. Не потому, что были наивны, и не обязательно потому, что были куплены. А потому, что бумага была не про них.

Их собственные гарантии в те же самые месяцы оформлялись совсем другими документами — и вот те оформлялись безупречно, с номерами постановлений и датами вступления в силу.

ФОРМУЛА

Ядерное оружие не отменило войну. Оно сменило её объект: с территории на элиту.

И у этой формулы есть вторая половина, без которой она неверна.

Выиграть у элиты можно только в том случае, если у элиты есть что выиграть отдельно от страны.

Внешнее давление было условием. Внутренний кризис — средой. Решение — поступком. А расхождение интересов между слоем и страной было тем самым дефектом конструкции, без которого ни условие, ни среда не сработали бы.

Два вопроса, которыми я закрываю сезон. Ответов у меня нет ни на один.

Первый. Почему люди, профессионально умевшие торговаться за каждую запятую, в крупнейшем размене своей жизни не потребовали бумаги?

Второй, и он тяжелее. Что должно стоять в устройстве государства, чтобы интерес управляющего слоя нельзя было отделить от интереса страны, — и кто, в свою очередь, поставит этот ограничитель, если ставить его придётся тому самому слою?

Десятый материал сезона «Внутреннее давление», всего 11. В следующий раз — «В декабре 1972 года люди в последний раз ушли дальше околоземной орбиты».

В декабре 1972 года люди в последний раз ушли дальше околоземной орбиты

№ в серии: 86 из 233 · № в сезоне: 11 из 11 · Сезон: 8 «Внутреннее давление» · Дзен: 28.12.2026 · ЖЖ: 10.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Внутреннее давление

В декабре 1972 года люди в последний раз ушли дальше околоземной орбиты. С тех пор прошло пятьдесят четыре года, сменилось два поколения, и человек ни разу не был дальше четырёхсот километров от поверхности собственной планеты.

12 июня 1958 года вирусолог Виктор Жданов, заместитель министра здравоохранения, предложил Всемирной ассамблее здравоохранения стереть с планеты натуральную оспу. Резолюцию приняли единогласно; в 1980 году оспу объявили искоренённой.

Два факта из одного двадцатилетия. Здесь я закрываю сезон.

ДВА РЕШЕНИЯ ОДНОГО ГОДА

27 января 1958 года в Вашингтоне подписали соглашение об обменах — то самое, с которого начался этот сезон. Двадцать студентов в каждую сторону, пары университетов, сроки командировок.

12 июня 1958 года на одиннадцатой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения советская делегация внесла предложение: ликвидировать натуральную оспу на планете. Полностью. Везде.

Автором был Виктор Михайлович Жданов, вирусолог, заместитель министра здравоохранения. Очагов оспы в мире тогда насчитывалось в шестидесяти с лишним странах.

Резолюцию приняли единогласно.

Первые годы программа почти не двигалась — не было ни денег, ни воли. В 1966 году её перезапустили с отдельным бюджетом и назвали интенсифицированной. Дальше в ней работали медики семи десятков

стран, и работали они вместе — советские, американские, индийские, эфиопские, кто угодно.

Последний случай естественного заражения зарегистрирован в 1977 году в Сомали. В 1980-м оспу объявили искоренённой.

Есть деталь, от которой у меня перехватывает горло каждый раз.

Когда Жданов в 1958 году предлагал свой план, тот последний в истории больной уже жил на свете. Ему было четыре года. Когда его нашли — он был взрослым мужчиной и работал поваром.

Двадцать лет — ровно столько, сколько заняла вся история, которую я разбирала весь сезон.

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ

Сопоставьте.

За одни и те же два десятилетия два государства совместно, силами своих ведомств и своих людей, стёрли с лица планеты болезнь, убивавшую каждого четвёртого заболевшего.

И за эти же два десятилетия те же самые государства построили механизмы, которые в ноябре 1983 года чуть не привели к концу всего.

Не разные страны. Не разные эпохи. Те же самые. Иногда — те же самые министерства.

Оспа была стёрта не вопреки холодной войне и не в паузе между её фазами. Она была стёрта параллельно. В те же годы. Теми же людьми, которые в соседних кабинетах считали подлётное время.

Из этого следует вещь, которую я не умею объяснить и потому выношу отдельно.

Человечество совершенно точно способно на общее дело. Это не мечта и не риторика: это проверено на практике, в худших из возможных условиях, при полном взаимном недоверии, и результат можно потрогать — болезни больше нет.

Значит, вопрос не в том, способны ли мы. Вопрос в том, почему мы делаем это так редко.

ПРО БАШНЮ

В одиннадцатой главе Книги Бытия есть подробность, мимо которой обычно проходят.

Историю читают как притчу о гордыне: люди зазнались, построили башню до небес, за это их наказали. Но в тексте сказано не это.

В тексте приводится причина, и она другая. Сказано, что у них один народ и один язык, и что это только начало их дел, и что теперь для них не будет ничего невозможного.

То есть остановлено было не хвастовство. Остановлена была способность.

Их разделили не за то, что они построили. Их разделили за то, что вместе они могли всё.

Я не богослов и не собираюсь толковать Писание. Но как конструкция мысли это поразительно точно описывает двадцатый век. Ядерное оружие сделало для человечества ровно то, что башня сделала для строителей: показало, что теперь возможно всё, включая полное самоуничтожение. И следом — короткое окно, когда стало казаться, что вывод отсюда возможен только один.

Окно продержалось около пятнадцати лет. Потом языки снова смешали.

ПРО ГОРИЗОНТ

Теперь то, что я обещала в седьмом материале и обещание сдержу.

Я тогда отказалась утверждать, что культурный перелом конца шестидесятых был кем-то спроектирован: документов нет, а коммерциализация объясняет то же самое проще. От этого отказа не отступаю.

Но у меня остаётся факт, который никакой коммерциализацией не объясняется, и я не знаю, что с ним делать.

В декабре 1972 года люди в последний раз покинули околоземную орбиту.

С тех пор — пятьдесят четыре года. За это время сменилось два поколения, вычислительная мощность выросла на порядки, и человек не был дальше четырёхсот километров от поверхности собственной планеты.

Я не утверждаю, что это чей-то замысел. Я утверждаю, что это факт, и что он требует объяснения, которого у меня нет.

Что-то произошло с длиной взгляда. Проекты, рассчитанные на тридцать лет, перестали начинать — не потому, что разучились, а потому, что перестали видеть смысл в том, чей результат достанется не тебе. Оспу истребляли двадцать два года. Такое решение нельзя принять, если горизонт короче срока собственной карьеры.

И вот здесь — единственное место, где мои две линии сходятся. Слой, который разбирал государство в конце восьмидесятых, тоже действовал с коротким горизонтом: обменять непередаваемое положение на передаваемую собственность имеет смысл только тому, кто не смотрит дальше одного поколения.

Совпадение это или общая причина — я не знаю. Но короткий взгляд оказался эпидемией пострашнее оспы, и от него вакцины никто не предложил.

ПРО СИЛЫ, КОТОРЫМ ВЫГОДНО РАЗДЕЛЕНИЕ

Последний вопрос, и самый неудобный.

Существуют ли устойчивые силы, которым разделение человечества выгоднее объединения?

Отвечу так, как отвечала весь сезон.

Документов, подтверждающих существование центра, координирующего разделение, я не нашла. Не потому, что плохо искала, — искала честно. Их нет, и утверждать обратное я не стану.

Но есть наблюдение, которое документов не требует, потому что проверяется календарём.

Институты, созданные для противостояния, не исчезают, когда противостояние кончается.

В 1991 году распустили Варшавский договор и СЭВ. Противостоящая структура не распустилась. Она расширилась — в 1999 году на три страны, в 2004-м ещё на семь.

Это не утверждение о чьём-то злом умысле. Это утверждение о свойстве конструкций. Организация, чей смысл существования — противник, при исчезновении противника делает одно из двух: перестаёт существовать или находит нового. Первого в истории почти не встречается.

Отсюда — не заговор, а нечто более тяжёлое. Заговор можно раскрыть, участников назвать, механизм разобрать. А со свойством конструкции сделать нельзя ничего, кроме как построить другую конструкцию — и следить, чтобы она не приобрела то же свойство.

ЧЕМ Я ЗАКРЫВАЮ СЕЗОН

Дилемма, к которой всё сводится, звучит так.

Советский Союз проиграл потому, что был слабее; потому, что его элита отказалась его защищать; потому, что против него работала стратегия, менявшая объект войны, — или потому, что все три процесса сошлись в одной точке?

Мой ответ по итогам десяти разборов: сошлись. Внешнее давление было условием, внутренний кризис — средой, решение — поступком. И только у поступка есть автор.

Но есть вопрос тяжелее, и им я закрываю.

Если победа была одержана без мировой войны — почему после 1991 года человечество не стало единым?

Полюса не стало. Идеологического противостояния не стало. Все препятствия, на которые ссылались сорок лет, исчезли одновременно. А разделение осталось, и через некоторое время выросло заново, по новым линиям.

Из чего следует вопрос, который я оставляю читателю и на который у меня нет ответа.

Была ли холодная война противостоянием двух идеологий — или всего лишь одной фазой чего-то гораздо более устойчивого, что просто пользуется идеологиями по мере надобности?

Я не знаю.

Знаю только, что в 1958 году два государства, готовившиеся друг друга уничтожить, договорились об обмене студентами и о ликвидации оспы. И обе договорённости они выполнили.

Мой отец был в одной из этих программ. Мальчик из Сомали, ставший поваром, — в другой.

Я много думаю о том, что эти люди сделали бы ещё, если бы им дали следующие тридцать лет.

Что должно было случиться с человечеством, чтобы за полвека оно ни разу не повторило декабрь 1972 года?

Одиннадцатый, заключительный материал сезона «Внутреннее давление». Сезон окончен. Следующий — «Язык катастрофы».

СЕЗОН 9 · «ЯЗЫК КАТАСТРОФЫ»

Материалов в сезоне: 11 · **Сквозные №:** 87–97 · **Дзен:** 30.12.2026 — 19.01.2027 · **ЖЖ:** 12.02.2027 — 04.03.2027